

четырёх рот и занимал УО №1 (в районе Сопоцкина). 10-й ОПАБ, которым командовал капитан Луппов, занимал значительно большую позицию – от деревни Доргунь до деревни Долистово (теперь находится в Польше), что составляет почти 50 км по фронту. Состоял этот ОПАБ из трёх рот. Учитывая такую растянутость, на левый фланг УР, в район деревни Триречки, перебросили 2-ю роту 9-го ОПАБа. Основной проблемой была даже не нехватка подразделений для занятия опорных пунктов, а некомплектность самих подразделений, что не позволяло выделять полноценные гарнизоны для дотов и сильно снижало боеготовность. Второй сложностью являлась слабая подготовка личного состава, поскольку учения в дотах почти не проводились, а навыки обращения с обычным полевым вооружением мало помогали солдатам управляться с казематными установками. Таким образом, к моменту начала войны 68-й УР никак не представлял серьёзной угрозы наступающим немцам.

Этот вывод подтверждается и тем фактом, что продолжительных сражений здесь не было. Судя по воспоминаниям, в начале войны сопротивление немцам оказывали либо отдельные доты, либо их небольшие (до трёх объектов) группы. Естественно, ни о какой системе огня речи в таких условиях не шло, поэтому долго продержаться они не смогли.

К сказанному следует добавить, что захваченные доты немцы использовали по-разному. Часть сохранилась хорошо, даже с некоторыми остатками оборудования. Во многих объектах вырывали короба амбразур, которые вывозились в Германию. Ряд сооружений были подорваны, причём складывается впечатление, что их не просто взрывали, а проводили учения или исследовали воздействие на советские укрепления того или иного вида подрыва. Было бы крайне интересно прочесть отчёт о таком исследовании, но никаких сведений о подобном документе пока нет. Как в наше время выглядит один из взорванных дотов, видно на рис. 8.

Рис. 8. Панорама взорванного дота

Заключение. Так выглядят общие сведения, которые удалось собрать о 68-м УР за одну исследовательскую поездку. Они ценны сами по себе и могут быть основой для ряда выводов. Но чтобы представить более или менее целостную картину полосы советских укреплений на новой границе, необходимо как минимум полностью исследовать все четыре укрепрайона ЗапОВО. В идеале – исследовать все укрепрайоны, создать полный каталог использовавшихся там сооружений с их точными чертежами (пока эта работа нами сделана менее чем наполовину), огневые схемы всех позиций и их взаимодействия. Но по причине полного отсутствия условий для такой значительной работы придётся пока ограничиться данной статьёй, которую скорее следует считать отчётом об экспедиции исследовательской группы «Крапіва» 2014 года.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Заворошкин, В. Фортификация нового времени / В. Заворошкин // Армия. – 2002. – № 5. – С. 52.
2. Рунов, В.А. Все укрепрайоны и оборонительные линии Второй Мировой / В.А. Рунов. – М.: Яуза: Эксмо, 2014. – 416 с.
3. Шорох, В.С. 62-й УР и фортификационная система Бреста / В.С. Шорох, В.В. Борисов. – Брест: Альтернатива, 2012. – 214 с.
4. Bereza, T. Linia Molotowa / T. Bereza, P. Chmielowiec. – Przemyśl, 2000. – 143 С.

Материал поступил в редакцию 11.04.14

SHOROCH V.S. The 68th Grodno UR – it is short about the unknown

In article the positions of the Grodno strengthened area built in 1940-41 to the northwest of Grodno are considered. The general history of creation of strengthenings of a so-called Belostoksky ledge is briefly lit, kinds of the applied fortification constructions, their functions and interaction are described. The main attention is paid to northeast part Grodno UR, remained presently in the territory of Belarus, in particular, to positions over the August channel and the river Black Gancha. The given material is illustrated by drawings of strengthenings and their pictures taken during field expedition in March, 2014 that allows to imagine better both an initial, and current state of the described objects.

УДК 2.019.5

Айзенштадт А.Л.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Введение. Творческое наследие выдающегося русского мыслителя Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904) является чрезвычайно актуальным в наши дни как по злободневности поднимаемых проблем, так и по глубине, объективности и оригинальности их анализа. Однако оно до сих пор еще мало изучено и только в последнее время стало предметом повышенного общественного и научного внимания [1]. Поэтому в статье предпринята попытка исследования социально-политических и исторических взглядов Б.Н. Чичерина.

Социально-политические взгляды Б. Чичерина формировались в условиях господствующей в интеллектуальной среде России середины XIX века дихотомии консерватизма и либерализма, личности и власти, свободы и права. Несомненной заслугой Б. Чичерина было то, что он, в духе «философии всеединства» В. Соловьева, попытался, и довольно успешно, выйти за пределы этих бинарных оппозиций (хотя самого В. Соловьева, кстати, часто критиковал). Неостандартный идей Б. Чичерина привела к его отчуждению от русской

интеллигенции пореформенного периода. Его не принимали ни левые, ни правые, что породило историографическую проблему «одиночества» Б. Чичерина [1, с. 17–22]. Основной же причиной неприятия Б. Чичерина множеством современников были независимость его мышления, бескомпромиссная откровенность при анализе общественных проблем.

Во главу своего анализа социально-политических проблем российского общества Б. Чичерин клал свободную личность. Он отмечал, что человек, по природе своей, есть существо сверхчувственное, или метафизическое, и как таковое, имеет цену само по себе и не должно быть обращено в простое орудие. По мнению Б. Чичерина, главная проблема общественной жизни состоит в согласении двух противоположных элементов: личности и общества; при этом духовная природа личности выражается в свободе, а общественное начало проявляется в законе, ограничивающем свободу [2, с. 4, 54–55].

Б. Чичерин считал, что «свобода – лучший дар, данный в удел

Айзенштадт А.Л., кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры общенаучных и гуманитарных дисциплин Гомельского филиала Международного университета «МИТСО».

человеку; она возвышает его над остальным творением, она делает из него существо разумное, она налагает на него нравственную печать» [3, с. 185]. Он воспринимал свободу как внутренний источник любой духовности, непреложное условие человеческой жизни, основу формирования человека. Однако свобода одного не должна препятствовать свободе других. Ограничение свободы Б. Чичерин видел в том, что человек «с колыбели является членом известного семейства, общества, государства; он подчинен семейной и общественной власти; он связан условиями и постановлениями той среды, в которой находится» [4, с. 41].

Следовательно, свобода человека в обществе ограничена не только свободой других людей, но и рамками его самоидентификации, традициями и особенностями исторического опыта как небольшого союза (семьи), так и гражданского общества в целом. Чтобы каждый человек мог свободно развиваться, необходимо четко определить понятные правила для разрешения противоречий, неизменных при совместном существовании. Поэтому Б. Чичерин указывал на пределы индивидуальной свободы и условиях ее адаптации в социуме [1, с. 252].

Если сущностью человека является его свобода, то двумя сторонами свободы является нравственность («внутренняя» свобода) и право («внешняя» свобода). Свобода и закон при этом находятся в диалектическом взаимодействии: «где нет, свободы, там нет субъективного права, где нет закона, там нет объективного права». Власть призвана охранять закон и сдерживать свободу, выступая в роли арбитра, и сама она должна быть ограничена законом. Таким образом, право есть свобода, определенная общим законом [2, с. 190, 229]. А власть – это власть разумной свободы, которая существует в рамках гражданского закона, где свобода уживается с властью всегда и везде, где обязанностью человека является почитание властных полномочий, так как «свобода, приобретенная насилем, часто ведет к анархии, свобода же, установленная законом, ведет к уважению закона и права» [5, с. 42].

Рассуждая в духе И. Канта о сущности права, Б. Чичерин шел вразрез с российской интеллектуальной традицией, ставящей нравственность выше права [1, с. 163–167]: «В государстве принудительная сила, истекающая из юридического закона, действует для нравственной цели, для осуществления нравственного порядка, вследствие чего она получает высшее нравственное освящение, и наоборот, нравственный закон получает принудительную силу, насколько он осуществляется в государственном организме, представляющем высший нравственный порядок... Если мы во имя совести отказываем в повиновении государственному закону, хотя бы он был несправедлив, то тем самым мы преступаем высший нравственный закон, на котором держится человеческое общество и который всегда должен иметь преимущество перед законом личной совести» [6, с. 26, 28].

Выступая поборником свободы, Б. Чичерин, в соответствие с платоновской традицией, скептически относился к идее демократии, так как здесь воля большинства не находит себе преграды. Более того, в условиях кризиса и возбуждения страстей, демократия может привести к междоусобице, самому страшному деспотизму, полному общественному расстройству. Политическая свобода актуальна для обществ, которые прошли длительное эволюционное развитие и вследствие этого выработали против анархии и радикализма. А в незрелых обществах власть следует доверять разумному меньшинству. Причем, чем меньше единства в обществе, тем сосредоточеннее должна быть власть [2, с. 87–89; 4, с. 101].

Б. Чичерин внес весомый вклад и в ожесточенную дискуссию между российскими консерваторами и либералами, как всегда высказав свою, оригинальную точку зрения.

Прежде всего, он попытался очистить консерватизм от негативного содержания, которым его наделили оппоненты, отождествляя консерватизм с реакцией, мракобесием, отсталостью. Б. Чичерин указывает, что консерватизм имманентно присущ человеческому мышлению и развитию социума. Историческое развитие носит диалектический характер и складывается из борьбы старого с новым, прогрессивной и охранительной тенденции, причем эти тенденции взаимосвязаны и каждая выполняет свою особую, незаменимую функцию.

Задача сторонников прогресса, писал Б. Чичерин, не дать существующему порядку окаменеть, они пробуждают дремлющие силы общества. Задача консерваторов – защитить твердые жизненные основы общества, допустить перемены только во имя организующих, но не разлагающих, разрушающих начал: «Где нет партии прогресса, там народ погружается в восточную неподвижность; но где нет охранительной партии, там общественный быт представляет только бессмысленный хаос, вечное брожение, анархию» [7, с. 442].

Б. Чичерин отмечал, что есть различные типы консерватизма. Консерватизм, опирающийся на рутину, слепое преклонение перед стариной, консервацию существующего порядка, бессилён перед вызовом истории и обречен на поражение: «Если старый камень силой векового трения обратился в песок, безумно утверждать на нем здание» [7, с. 445]. Б. Чичерин приводил в качестве примера французских монархистов, которые, мечтая о восстановлении средневековых форм жизни, «ничего не поняли и ничему не научились». Он подчеркивал, что попытка держаться старых основ при новом строении жизни бесперспективна. Бесплодно противиться тому, что назрело в недра истории.

Б. Чичерин считал необходимым утверждение нового типа консервативной идеологии. Ведь исторические начала не остаются неизменным абсолютом на все времена. Поэтому главная задача состоит в том, чтобы понять, что следует сохранить и с чем надо проститься, отыскать на каждом историческом рубеже те силы, которые могут стать опорным элементом общественной организации.

Ратуя за умеренный консерватизм, Б. Чичерин по многим вопросам занимал либеральные позиции. «Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России... В либерализме вся будущность России», – писал он в 1855 г. [8, с. 111–112]. Вместе с тем, Б. Чичерин считал неприемлемым для России классический либеральный проект с его абсолютизацией личной свободы и сведением роли государства к функциям ночного сторожа [4, с. 7].

Б. Чичерин выделял три вида либерализма [3, с. 189–197].

Первый, низший, он называл уличным. Уличный либерал не хочет знать ничего, кроме собственного своеволия, он нетерпим, не уважает чужие взгляды и мнения, не терпит никаких условий и ненавидит авторитеты.

Второй вид – оппозиционный либерализм, для которого характерно нигилистическое понимание свободы как свободы обличения власти, критика ради критики. Отменить, разрешить, уничтожить – вот и вся его система.

Третий вид либерализма, сторонником которого был сам Б. Чичерин, – охранительный либерализм, сущностью которого является примирение начала свободы с началом власти и закона. Этот либерализм можно также назвать умеренным, консервативным.

Таким образом, Б. Чичерин осуществил своеобразный синтез консерватизма и либерализма, соединив консервативные идеи порядка, закона, сильной власти с либеральными идеями свободы, реформ, прав человека.

Социально-политическая концепция Б. Чичерина послужила основой его исторических взглядов, которые формировались в условиях острой дискуссии западников и славянофилов о своеобразии исторического пути России. Оригинальную концепцию российского исторического процесса выдвинул и Б. Чичерин. Он исходил из того, что Россия и Запад развиваются в одном направлении, представляя собой единый европейский организм. Свидетельством этой общности является единое географическое и этнографическое пространство, общая духовная основа (христианство), однородность исторического развития.

История человечества есть для Б. Чичерина история развития «духа» (в соответствии с Г. Гегелем), реализуемого в частных стремлениях индивидов и общих нормах общественной жизни.

Б. Чичерин выделял три ступени в развитии общества. Первая – патриархальный быт, в основе которого лежали традиции и кровное родство. Развитие личности постепенно привело к потере значения родо-племенных связей. Вторая ступень – гражданское общество (средние века), которое основывалось на началах свободы личности и частного права. Однако средневековая вольница эпохи феодализма

ной раздробленности привела к господству силы, неравенству, междоусобицам. Это сделало необходимым установление нового порядка – высшей формы общественного союза – государства, которое способно свести к единству разрозненные элементы, обеспечить внутренний мир и порядок [8, с. 369].

Эта общая схема развития мировой истории применима, с точки зрения Б. Чичерина, и к России. Однако российский исторический процесс имеет свою специфику, которая возникла под влиянием целого ряда факторов.

Одним из этих факторов является специфика природно-географических условий: безграничные степные пространства, отсутствие естественных преград, однообразие природы, малочисленность населения. Рассеиваясь в пространстве, русский народ был лишен «внутреннего средоточия», не имел своего центра, что мешало достижению государственного единства. Непредсказуемость погоды не способствовала систематическому, целеустремленному труду. Природные богатства страны толкали Россию на экстенсивный путь развития, а ограниченность контактов с более цивилизованными странами и народами порождала необходимость до всего доходить своим умом [9, с. 54].

Большое влияние на ход русской истории оказал русский национальный характер, который, по мнению Б. Чичерина, сформировался под воздействием природных условий восточно-европейской равнины. Так, широта русской души связана с бескрайними просторами России («Отличительное свойство русского ума состоит в отсутствии понятия о границах. Можно подумать, что все необъятное пространство нашего отечества отпечаталось у нас в мозгу»). Крайняя изменчивость погодно-климатических условий приводила к знаменитому русскому «авось». Отсутствие естественных преград для внешней экспансии порождало психологию «осажденной крепости». Однообразие природных условий и их благоприятность для ведения хозяйства имело следствием простоту и пассивность характера русского человека, вполне совместимых, впрочем, с «разгулом и удалством», к сожалению, «никуда не направленным» [9, с. 55]. Как тут не вспомнить слова А. Пушкина о русском бунте, бессмысленном и беспощадном.

Б. Чичерин отмечал свойственное русским людям «несокрушимое терпение, безропотное перенесение всевозможных лишений и тягостей, готовность всем жертвовать для царя и отечества», а также природные способности, позволяющие при наличии желания сделать «больше и лучше других», однако, как правило, «это мгновенная вспышка, которая скоро остывает» (по словам В. Ключевского, русский человек способен к неимоверному напряжению сил в короткий промежуток времени, но не склонен к планомерной, методичной работе).

Кроме того, русский народ отличается нехваткой личной энергии и инициативы, беспечностью, легкомыслием, привычкой во всяком общественном деле полагаться на правительство, бесконечной рознью, склонностью к крайностям [4, с. 585–586]. Бичуя, но не смакуя недостатки русского национального характера, Б. Чичерин, вслед за П. Чаадаевым, рассчитывал на их устранение.

Решающую роль в русской истории Б. Чичерин отводил государству, которое всегда было не надстройкой над гражданским обществом, а становой хребтом социальной системы, при этом государство подчиняло себе и общество и личность.

Иначе обстояло дело на Западе, где господство свободной личности породило целый ряд устойчивых и «крепких форм жизни» – общественные союзы и корпорации, цеха и сословия, гильдии и ордена. Внешней, юридической оболочкой существования этих новых общественных форм, созданных самим обществом, было частное право, возникшее на почве римского права. И государству приходилось считаться с гражданским обществом и личностью. К тому же и католическая церковь была довольно сильным противовесом светской власти [4, с. 531].

Образование государства, с точки зрения Б. Чичерина, стало поворотным пунктом русской истории. При этом здесь действовало не начало права, а начало силы. Только сильная власть могла сплотить необъятные пространства и разбредавшееся население в единое «государственное тело». Значительную роль в создании сильной государственной власти сыграл внешний фактор, сначала ва-

ряжский, а потом татарский. Татарское иго приучало народ к покорности, «в России образом служила восточная деспотия». Все общественное устройство «получило бытие от государства, подчиняясь мановению сверху» [4, с. 380–381, 529, 531].

Государственная власть сомкнула разобщенные общественные элементы в сословия и местные союзы, подчинила их государственному порядку, фактически создала с фискальной целью сельскую общину нового времени, организовала представительные учреждения, которые затем исчезли за ненадобностью, не допустила притязаний церкви на приоритет над светской властью.

Как неизбежное и необходимое на определенном историческом этапе явление Б. Чичерин рассматривал крепостное право. Причем фактически закрепощены были не только крестьяне, но и все остальные сословия. Сделано это было путем наложения на них обязанностей, государственного тягла. «Все равно должны были всю жизнь служить государству... Каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских, тяглые люди – посадские и крестьяне – отправление разных служб, податей и повинностей, крестьяне служили своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству» [8, с. 227].

В целом Б. Чичерин высоко оценивал роль самодержавной власти в истории России: «Монархия сделалась исходною точкою и вожатаем всего исторического развития народной жизни». История России доказывает, что «самодержавие может вести народ гигантскими шагами на пути гражданственности и просвещения» [4, с. 356]. Если бы не сильная государственная власть, Россия была бы низвергнута в пучину хаоса. Как писал позже П. Милюков, для социально-политической системы России всегда были характерны лишь два крайних состояния: либо стабильность, переходящая в апатию (в период усиления государственного начала), либо дестабилизация, переходящая в анархию, смуту.

При этом Б. Чичерин вовсе не был апологетом самодержавия, его идеалом была конституционная монархия. Он выделял два этапа в развитии государства: централизация и либерализация. В России к середине XIX в. централизация дошла до «нестерпимой крайности», следствием чего стало «всеобщее растрепание государственного организма» и многочисленные «общественные язвы» (чинопочитание, официальная ложь, взяточничество). «Правительство сделалось всеобъемлющим, господствующим всюду... а народ все более бледнел и исчезал перед ним» [9, с. 67, 74, 76, 80]. Чуть позже об этом напишет В. Ключевский: «Государство пухло, а народ хирел».

Теперь возникла историческая необходимость в ходе либерализации освободить из-под государственной опеки все общественные элементы. «Нам нужна свобода!», но не любой ценой, писал Б. Чичерин, предпочитая «честное самодержавие несостоятельному правительству» [9, с. 51–52].

Заключение. Анализ социально-политических и исторических взглядов Б. Чичерина показывает, что в его лице наука приобрела оригинального, вдумчивого, бескомпромиссного исследователя настоящего и прошлого России, чьи идеи являются актуальными и сейчас. О.Б. Чичерину удалось преодолеть дихотомию консерватизма и либерализма, соединив консервативные идеи сильной власти, порядка и закона с либеральными ценностями свободы, реформ и прав личности. Он считал, что Россия и Запад развиваются в одном направлении, однако специфика российского исторического процесса выражалась в безусловном главенстве государства над личностью и обществом.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чичерин, Б.Н. Традиции философской и социально-политической мысли в России: материалы Международной научной конференции. 20–23 ноября 2013 года / Отв. ред. Н.В. Медведев, Н.М. Аверин, А.Н. Алленов; М-во обр. и науки РФ [и др.]. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – 520 с.
2. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев, 1900. – 344 с.

3. Чичерин, Б.Н. Несколько современных вопросов / Б.Н. Чичерин. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2012. – 212 с.
4. Чичерин, Б. Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. – М.: Типография Грачева и Комп., 1866. – 533 с.
5. Чичерин, Б.Н. Очерки Англии и Франции / Б.Н. Чичерин. – М.: Типография Эрнста Баркнефта и комп., 1858. – XX. – 357 с.
6. Чичерин, Б.Н. Общее государственное право / Б.Н. Чичерин. – М.: Зерцало, 2006. – 536 с.
7. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – СПб.: Наука, 1998. – 656 с.
8. Чичерин, Б.Н. Современные задачи русской жизни / Б.Н. Чичерин // Голоса из России: репринтное издание. – М., 1976. – Вып. 2. – С. 5–129.
9. Чичерин, Б.Н. Опыты по истории русского права / Б.Н. Чичерин. – М.: Изд. К. Солдатенкова и И. Щепкина, 1858. – 389 с.

Материал поступил в редакцию 14.11.14

AIZENSHTADT A.L. Socio-political and historical views of B.N. Chicherin

Analysis of the socio-political and historical views of B. Chicherin shows that he was able to overcome the dichotomy between conservatism and liberalism, combining conservative ideas of strong power, law and order with liberal values of freedom, reforms and individual rights. B. Chicherin believed that Russia and the West are developing in the same direction, but the specifics of the Russian historical process was expressed in absolute autocratic supremacy of the state over the individual and society.

УДК 7.046.1:32

Котляр И.И.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ

Введение. Обращение к мифам в политике в те или иные периоды исторического развития характерно для всех государств. Оно связано с особыми социально-политическими и экономическими условиями, которые не позволяют решать сложные проблемы за счет реально существующих средств и вынуждают политиков с помощью мифов воздействовать на массовое сознание людей и тем самым отвлекать их хотя бы на время от назревших и трудно разрешимых противоречий.

Попытка в теории представить мифы как нечто архаичное, утратившее свое значение в современных условиях, на практике себя не оправдала. Реальная действительность доказывает, что одни мифы исчезают, другие появляются.

Проблема замены одних мифов другими. Явление закономерное для периодов революций и реформаций. Оно объясняется тем, что политические цели меняются коренным образом и требуют обеспечения веры в ту или иную идею, а также поддержки соответствующих политических акций со стороны народа. К примеру, в результате событий 1991 года исчезла мифология советского общества. Но сразу же возникла другая мифология, не менее антиобщественная по своей сути. В книге автора статьи «Взгляд изнутри – общественно-политический процесс на Беларуси», вышедшей в 1993 году, отмечены появившиеся в обществе новые мифы: о приоритете наций, народов или автономий перед интересами и правами человека; в реальности в ближайшее время после краха коммунистического режима перейти к демократическому, правам государства; о всемогуществе рыночных отношений [1]. Российский ученый, академик Георгий Осипов указал на появление следующих мифов: об упразднении в государстве административно-приказной системы; о демократии как самоцели и средстве решения всех проблем; о приватизации как средстве создания изобилия предметов потребления [2]. М. Челноков отметил появление в России мифов в области реформирования и осуществления президентской власти. В их числе: реформа требует жертв, терпения народа, но она уже в ближайшее время приведет к положительному результату; Б. Ельцин проводит правильную политику, добился бы хороших результатов, если бы ему не мешали; единственная альтернатива ельцинской политики – возврат к реакционной коммунистической системе, другие [3].

Главным мифом самого распространенного обыденного сознания являлся миф, согласно которому в обществе потерпел фиаско социализм, что поднявшиеся к свободе массы отвергли разочаровавший их, опровергивший им социалистический строй, причем во имя того, чтобы утвердить капитализм. Такая оценка случившегося

и делаемые из этого выводы – чистейший вымысел.

Ключевым мифом, характеризующим переходное состояние 90-х годов является миф, согласно которому российское общество шаг за шагом продвигалось от разочаровавшего своей бедностью и нищетой старомодного социализма ко всем благам капитализма с его завораживающими витринами, молочными реками и кисельными берегами. Ничего подобного в российском обществе не происходило, во-первых, потому что социализма не было, а во-вторых, потому что быстро перейти от социалистического общества к современному цивилизованному капитализму – еще большая утопия.

В действительности же в России совершалось нечто другое: происходил переход от одного антинародного эксплуатационного строя – тоталитарного псевдосоциализма, где властвовала и эксплуатировала партийно-государственная бюрократия, номенклатура, к другому, не менее антинародному эксплуататорскому строю – во все не к обещанному цивилизованному, а к дикому капитализму на стадии первоначального накопления с полновластием самого алчного – спекулятивного капитала с его непроизводящей буржуазией.

Есть еще один миф, который настойчиво насаждался властью имущими. Суть его состоит в том, будто поборники капитализма 90-х годов – не дюжинные либералы, а искренние «друзья народа» – демократы.

Чем дальше, тем становится яснее, что демократы вели борьбу с партократами вовсе не ради освобождения людей труда, а для того, чтобы взамен подорвавшей свою власть партийно-государственной бюрократии пришли традиционные для Запада эксплуататоры и угнетатели в лице нарождавшейся буржуазии. Трудность такого поворота, глубоко чуждого интересам народа. Растущее сопротивление ему простых людей заставляли стоящих у власти демократических лидеров маневрировать, идти на компромиссы, с прежней номенклатурой: проявлять готовность на «междусобойчик» с ней, готовность по-свойски поделить и политическую власть и собственность.

В итоге развернулась смена у кормила власти всех хищников: одного эксплуататорского класса другим – уже наевшейся партократии еще голодной спекулятивной буржуазией. Но важнее другое. По мере того, как партийно-государственная бюрократия, потерпевшая поражение, отодвигалась от собственности и власти, уступая их утвердившейся буржуазии, ее политическим представителям и чиновникам, в обществе происходила замена прежнего основного противоречия новым: стоявшее в центре политической жизни 1991 года противоборство номенклатуры и буржуазии за власть над народом завершилось победой буржуазии, представителей ее интересов, а потому на первый план в ходе «реформы» все больше выдвигалось противоречие между утвердившемся у кормила власти представите-

Котляр И.И., профессор Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, г. Брест, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224600, бульвар Космонавтов, 21.